

Записи школы общины с отцом Хулианом Карроном

Милан, 21 мая 2014 года

Текст: Х. Каррон. В стремлении достичь Его. Духовные упражнения Братства.
Лекция 1. П. 1.

- *Ojos de cielo*
- *Aconteceu*
-

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

В прошлый раз мы договорились работать над началом первой лекции Упражнений братства, в которой основополагающим, с точки зрения сути проблемы, является вопрос о том, что составляет в нашей жизни суть вещей. Все, что мы говорим, должно помочь нам понять, какова суть вещей и как признать это в опыте, дабы нам не превратиться в блуждающие мины, которые носит из стороны в сторону, тогда как в жизни не происходит ничего действительно значительного. Начну как раз с таких вопросов.

Вот уже несколько недель меня не оставляет один вопрос. В первом пункте Упражнений ты спросил нас: когда в последний раз, глядя на любимых людей, мы ощутили это замирание сердца? Когда мы увидели в их глазах Его глаза, что избавляют нас от ада? Я хорошо помню ситуации, в том числе и недавние, когда это случилось: то, как смотрит на меня мой муж, и то, как относятся ко мне некоторые мои друзья. Этот взгляд не зависит от их сил, он является отражением того единственного взгляда, что наполнил мою жизнь и вел меня вплоть до сегодняшнего дня. Однако я замечаю, как то, что я вижу, не пробуждает во мне новой позиции, которая позволила бы мне встречаться с проблемами жизни. Ад возвращается, и я снова теряюсь, встречая жизненные обстоятельства. Так во мне рождается сомнение: либо то, что я вижу, сентиментально, либо я непоследовательна. Но мне важно не быть последовательной, а иметь исконную позицию перед лицом вещей! Во втором пункте лекции ты говоришь: «Перед лицом провокаций все мы можем задать вопрос: что обнаружилось в моем ответе, в моей попытке ответить, <...> что открыл в себе как самое главное?» Я вижу, что, встречаясь с обстоятельствами, я обычно теряюсь, и сказать, что обстоятельства существуют для моей зрелости и что Он пожелал дать мне их ради исполнения благого замысла о моей жизни, – это словно сделать своего рода добавочку, найти мотивацию, чтобы уgomонить в себе определенные вопросы, чтобы не углубляться в них, позволяя им стать искренней надеждой и уверенностью, на которую я могла бы опираться. Все это печалит мое сердце, поэтому я прошу твоей помощи.

Иными словами: что такое суть вещей? Как ты сказала, мы часто сомневаемся в том, не является ли происходящее чистой сентиментальностью или результатом нашей непоследовательности.

Вопрос о сути вещей во время последней школы общины (а также в начале работы над Упражнениями) невероятным образом захватил меня. И я переживал повседневность под впечатлением от него. Глядя на себя и на некоторых своих друзей в действии, а также разговаривая с ними, я понял, что первый вызов – как я это ощутил –

заданного тобой вопроса о сути вещей заключается в том, чтобы не умалить его. Действительно, я заметил, что часто у меня была следующая позиция: «Ну... Я знаю, что для меня самое главное, прятаться бесполезно, самое главное – Иисус, и потому я должен стараться жить с таким сознанием. Но, рассуждая так, через некоторое время устаешь от и вещей и от первоначального очарования. В то время как очарование вновь пробуждается, когда я живу тем, чем должен жить, и стараюсь увидеть в ходе жизни то, что называю самым главным, сутью. Короче говоря, нужно не усилие по отношению к справедливой идее, в которую я верю, а удивление перед тем, как я отношусь к реальности, будучи верен тому, кем я являюсь, будучи верен тому, чем является реальность. Когда я смотрю на свой день, проведенный в этой второй позиции, я вижу, что очарование словно увеличивается, потому что я являюсь тем, кем являюсь, а реальность – такова, какая она есть, и нет нужды в каком бы то ни было усилии. И даже когда я обнаруживаю, что самое главное для меня отличается от того, что я говорю теоретически, это становится возможностью по-новому взглянуть на себя – согласно тому, кем я являюсь, а не тому, кем себя воображаю. В другом же случае, единственным результатом становится ослабевание изначального очарования, вплоть до исчезновения. И тогда мы переходим к следующей теме.

Вот в чем заключается основополагающий метод: проблема в том, чтобы жить, чтобы начать действительно отвечать тому, что дано мне как жизненная задача. И именно здесь с удивлением понимаешь, в чем суть вещей.

В противном случае, мы сами определяем, какова она, и тогда это уже не факт, вновь происходящий на моих глазах. В результате в определенный момент я устаю повторять это, удивление от нового постоянного открытия не возрастает, не повторяется удивление от того, что действительно является самым главным.

Это действительно так: суть вещей я открываю в жизни, живя. И поэтому меня очень тронули слова отца Джуссани, которые ты процитировал на Упражнениях: «Самая прекрасная мысль, которой я предаюсь вот уже много месяцев, это представление о том, как впервые замерло сердце Магдалины, и первое замирание сердца не было чем-то вроде: “Брошу всех моих любовников”, – это была влюбленность в Христа. И для Закхея первое замирание сердца было не: “Раздам все деньги”, – но влюбленное удивление перед тем Человеком». Я обнаруживаю, в чем суть вещей, потому что именно она позволяет моему сердцу оставаться бодрствующим, делает его живым в рамках любых обстоятельств. Когда я прочитал эти слова, когда услышала и перечитала их, я заметила инаковость Христа по отношению ко всему остальному. Все остальное требует от меня изменения, и я сама требую от себя изменения; я же замечаю, что нуждаюсь не в изменении (как отец Джуссани говорит о Магдалине: «Брошу всех моих любовников»), а в этом замирании сердца, оживляющем меня. И это для меня – суть, потому что несет в себе все. Меня поразило также упоминание благодарности: на самом деле я обнаруживаю, что «требую расчета» у жизни, у обстоятельств, у людей, когда не живу, когда нет этого замирания сердца, когда я не испытываю трепета. В общем, когда мое сердце не трепещет, я не благодарна. Однако благодарности, изменению, всему предшествует замирание сердца, я же часто исхожу из мысли, что должна измениться, и прикладываю к этому очень много усилий, растрачивая всю свою энергию.

Чрезвычайно острое замечание отца Джуссани, которое радикально смещает нас, когда мы внимательно относимся к его словам, состоит в том, что первая наша забота не в устранении непоследовательности, не в наших причудах; иными словами, самое главное состоит не в том, что нужно что-то изменить. Это похоже на влюбленность, эта мысль возвращается, присутствие любимого человека вновь утверждается и вновь призывает и

зовет нас, и мы не можем избавиться от него. Именно так мы осознаем, что произошло что-то отличное от всего остального, уникальное, потому что все остальное является лишь вариациями на тему: «Что я должен делать? Что нужно делать?» Поэтому мне кажется столь важным воспринимать этот пассаж отца Джуссани (который стал – скажем так – источником Упражнений, отправной точкой, источником моего пути) в качестве критерия суждения о любой нашей попытке определить суть. Поскольку, говоря это, он сдвигает всех нас с мертвой точки. Мы, вместо того, чтобы удивляться, переходим, сами того не осознавая, к вопросу, о том, способны мы или нет жить этим. Поэтому перечитаю следующие слова: «Самая прекрасная мысль, которой я предаюсь вот уже много месяцев, это представление о том, как впервые замерло сердце Магдалины, и первое замирание сердца не было чем-то вроде: “Брошу всех моих любовников”, – это была влюбленность в Христа». Речь идет о том, чтобы прилепиться, быть очарованными. Ведь первое, что человек понимает, когда происходит нечто значимое, важное: этот факт возвращается и человек больше не может оставить его, не потому что решает не оставлять его, не усилием, а потому что этот факт сам устанавливает себя. Поэтому отец Джуссани говорит о том, что предается этой мысли. Если мы сравним то, что произошло в нас с тех пор, как мы это услышали, с опытом отца Джуссани, то начнем понимать, что значит работать над школой общины. Я удивляюсь, видя перед собой человека, говорящего эти вещи и сравниваю с тем, что мне приходит на ум, с тем, что делаю я, с тем, что беспокоит меня, с тем, что блокирует или определяет меня. Если не предаваться этому господству Присутствия, все сводится к нашим попыткам. Если мы такие несуразные, как мы можем подумать о том, чтобы разрешить эту ситуацию с помощью своих попыток? Именно поэтому этот текст поразил меня с первого мгновения: он выражает природу христианства больше, чем что бы то ни было. И это то же самое содержание, что и у двух песен, которые мы пели в самом начале: если я позволяю Ему войти, ад исчезает. Здесь отец Джуссани предлагает нам критерий, разделяя с нами свой опыт как подсказку в нашем пути, чтобы нам не отвлекаться на иные заботы. И даже когда мы позволяем себе отвлечься на иные заботы, мы можем прибегнуть к памяти и вернуться, вновь предаться этому Присутствию, что в определенный момент Он стал преобладать в нашей жизни. Этот текст обладает ценностью метода, основополагающей подсказки для пути, как пишет мне одна из вас: «Больше всего меня поразила тема пути Петра. В субботу утром ты описал замирание сердца, которые испытали Мария Магдалина и Закхей, такое же замирание сердца, что я испытала в начале, а потом случалось много раз (например, в субботу, когда я слушала твои слова). Но потом ты вдруг стал говорить о пути Петра: необходимо проделать путь. Я почувствовала, что сместилась в сторону, потому что это именно так – как часто это замирание сердце, постоянно меня сопровождающее, требует неустанного пробуждения. Я практически слышу скрежет расхождения опыта замирания сердца от того, когда я исхожу из идеологии христианства», то есть, как мы говорим, от христианства, сведенного к речам. И поэтому вопрос таков: что представляет собой этот путь? Отец Джуссани отвечает своим свидетельством: предаваться Ему. Откуда бы ни начинал человек, он возвращается сюда, чтобы углубить, чтобы все больше осознать его, иначе человек больше не в состоянии изменить свою позицию. Изменение позиции является исходом не нашей одинокой попытки, а преобладания нашего оставления себя ради Него.

Ты только что сказал: «Суть вещей устанавливает себя». Именно это происходило со мной всякий раз, когда я перечитывала первые два параграфа первой лекции, потому что, когда говорится о замирании сердца и о пути Петра, у меня нет сомнений по поводу определения того, что спровоцировало во мне замирание сердца, уникальность этого поражающего меня опыта, потому что это уникальность, не замутненная проходящим временем, не подверженная сумбурному влиянию событий

жизни, многочисленных проблем, вереницы испытаний, людей, удач или неудач. Меня это особенно изумило, поскольку это действительно что-то, что устанавливается само по себе. Есть одна твоя фраза, в которой ты прекрасно показываешь, что происходит с нами, когда это замирание сердца реально: «И необходимо такое присутствие, которое не только не угасит ностальгию, но воспламенит ее, оживит желание пребывать в ней. <...> [любого взгляда недостаточно] Нет, не хватит взгляда ни мужа, ни жены, ни друзей. Нужен взгляд присутствия, способного находиться перед любыми вызовами <...>. Нужно отношение, которое не угасит пламени ностальгии, а зажжет его». Мне кажется, что в этом и заключается тот опыт и метод, на которые ты указываешь: что мы находимся среди вещей, и отвлекаемся даже чересчур, даже в луна-парке (возвращаясь к твоему примеру), но есть постоянно возникающая ностальгия, вместе с которой устанавливается суть вещей.

Ностальгия – это первый знак того, что происходит, что-то существенно важное. Почему? Потому что я не могу жить без этого, потому что я постоянно возвращаюсь к этому, не потому что я лучше других, не потому что у меня все получается хорошо, не потому что вдруг все начинает действовать так, как я задумал, а потому что ничто из всего этого не может сместить мой взгляд с того, что является главным. Именно это мы видим в ностальгии: она не угасает, но воспламеняется. Любой толчок реальности, любая ситуация, любое одиночество, несчастье, любая вещь – это словно подливаемое в огонь горячее, воспламеняющее ностальгию. Все трудности не должны угасить ее, напротив, трудности – это возможность признать истину и значение того, что произошло.

Что бы ни произошло, это все больше разжигает ностальгию по этому Присутствию. Поэтому не нужно противопоставлять все трудности жизни как знак разуму, чтобы это присутствие не преобладало. В действительности, когда происходит такая встреча, единственное действие, производимое любым ударом реальности, любой трудностью, прекрасной или ужасной, – это воспламенение, разжигание ностальгии. Это действительно что-то иное, христианство – это что-то иное! И мы начинаем видеть, что это Присутствие – совершенно уникально, оно обладает только ему присущей чертой, оно не гасит ностальгии, а постоянно воспламеняет ее, что бы ни происходило. Поэтому мы прилепляемся все больше. Трудности жизни не только не гасят ностальгии, любая вещь воспламеняет ее все больше. Вот что мне пишет один человек: «Ты призываешь нас искать суть вещей в опыте. Это происходит со мной. Вот уже два года я живу за границей, большую часть своего времени я провожу с людьми, которым не только не интересно, кто такой Христос [и это могло бы стать поводом бросить все, имея даже оправдание: “Я одна, кто мне об этом напомнит?”]. Я провожу свои дни с ними и замечаю, что часто между нами нет различия [дело не в том, что это вводит ее в заблуждение, между ними часто нет различия]: мы делаем одни и те же вещи, мы беспокоимся об одном и том же. И в этом водовороте я почти забываю об Иисусе [почти: все заключено в этом “почти”]. Иисус не является самым главным, Он следует за университетом, ужином, всем тем, что мне нужно сделать; и затем, в конце дня я читаю молитвы. Но и даже таким образом Он всегда остается. Даже если я часто рассеяна и стесняюсь говорить о Нем перед всеми, я [я!] на физическом уровне ощущаю, что являюсь единственным человеком, который знает, Кто такой Иисус в мире, который Его не знает. И это не оставляет меня в покое [реальность этого проявляется в том, что этот факт никогда не оставляет ее в покое]. И это самое главное ощущение, что пронизывает мои дни, даже в мгновения самой большой рассеянности это преобладает: мою жизнь нельзя оторвать от Христа». Вот, что пишет другая наша подруга: «Я хотела рассказать тебе, как для меня важно сейчас все больше обнаруживать, насколько очевидна верность Бога в моей жизни [а это другой способ сказать, какова характерная черта этого уникального момента]. Я понимаю, что Он захватил меня в Крещении и нес вплоть до сегодняшнего дня через историю Движения,

таким образом невозможно отрицать, что Он взрастил семя благодати, которой является вера, но мне словно был нанесен блокирующий удар, все стало труднее, непонятнее, не столь непосредственно, настолько, что для понимания требуется вся моя энергия. В глубине души я считала, что у меня все, как у святого Августина, для которого вера, запечатлевшись в нем однажды, сделала все его понимание простым. Я же говорю: слава Богу, что все не так [слава Богу, что это не так: потому что если бы все было просто, удар реальности и вызовы, которыми провоцирует меня жизнь, не помогали бы мне осознавать, в чем состоит инаковость]. После первого мгновения абсолютной потерянности, я осознаю, что то, что позволяет мне идти, – это в первую очередь Его неустанная верность [Его, не наша: именно Он притязает быть верным, Он!], и это стало таким суждением, от которого я не могу больше избавиться. Я приведу пример, который кажется банальным, но, по-моему, он впечатляющий. Я работаю в операционной, где одному моему родственнику провели очень серьезную операцию. Моей первой заботой было устроить все так, чтобы он попал к самому лучшему хирургу, но чем больше я об этом заботилась, тем яснее понимала, что этого недостаточно, что моя душа не успокаивалась, более того, росла моя тревога. Тогда я подумала, чего же здесь может не хватать, и поняла, что не хватает чувства огромной ностальгии по взгляду, исполненному мира, взгляда, который я всегда встречала у самых дорогих своих друзей. Тогда я попросила их помолиться в первую очередь обо мне, чтобы я не была одинока в этих обстоятельствах, чтобы я могла на опыте жить компанией Христа, единственно дающей мир [человек может быть захвачен многими тревогами, но он не может избавиться от ностальгии, которую пережил когда-то, ностальгии, его изменившей]. Я позвала их не из-за некоего товарищеского духа, а благодаря этому неистребимому суждению, из ностальгии [кажущееся нам более хрупким, менее конкретным, на самом деле является самой конкретной вещью, тем, что определяет нашу жизнь], той самой, которую я испытала во время встречи с Папой в Риме, заставившей меня понять, насколько удивительно в мои сорок лет во мне желание учиться, может быть даже больше, чем в восемнадцать. Я была там, потому что как никто нуждаюсь в том, чтобы научиться понимать реальность, и инструментом этого является школа, школа общины. Я заметила в себе такую благодарность, какой не помнила уже очень давно. Это мгновения света, о котором говорят, когда имеют в виду обращение, они не избавляют тебя от труда, которого остается много, но делают путь привлекательным, уверенным в Его верности. Я действительно могу повторить вопрос: чем была бы моя жизнь, если бы я не могла больше слышать Его слова?» Поэтому когда мы оказываемся перед лицом вызовов, мы должны возвращаться именно к этому, как пишет мне другой человек: «На прошлой Школе общины первые выступающие свидетельствовали, что Упражнения стали для них событием. Со мной случилось иначе. Я вернулась домой с пониманием, что человек может признать Христа как ответ на свое желание, только если идет вглубь своего желания. Моя первая реакция на это, – необходим труд, потому что я понимаю, что я должна работать над собой, это работа, суть которой я и не знаю толком. Прости мне мою пустоголовость! Я знаю, что ты многие годы не говоришь ничего иного, но я до сих пор не понимаю. Комментируя первые выступления, ты сказал: “Христос делается мощно присутствующим, не как мысль <...>, а через событие, которым Он является <...>. Христос – это происходящее событие <...>. Другого метода нет. Мы должны просить постоянного совершения этого события [...]; и постоянно возвращаться к осознанию в памяти” [и таким образом – это в первую очередь не труд, в противоположность тому, что она говорит!]. Поэтому я прошу тебя помочь мне понять, что такое осознание памяти. Мне хотелось бы, чтобы ты помог мне лучше понять этот пункт, потому что дело не в том, что это со мной не произошло, то есть, мне кажется, что если бы я поняла, что значит вернуться к осознанию памяти, я не начинала бы каждый раз сначала».

И что значит вернуться к осознанию памяти? Что делает отец Джуссани? К чему он постоянно возвращается? *«Самая прекрасная мысль, которой я предаюсь вот уже много*

месяцев... ». Память заключается в этом, возвращаться к чему-то, что вошло в нашу жизнь, к Присутствию, которое никогда не гасит моей ностальгии. Поэтому это не усилие; только это не гасит ностальгии, на гасит желания; осознание желания возрастает не благодаря нашему желанию, Он позволяет нам постоянно осознавать наше желание, пробуждающее в нас ностальгию. Разница заключается именно в этом (как говорил один из выступавших): Он пробуждает сердце. И если я понял это, мне ничего другого не остается, как жить памятью, но произносить “память” – это иной способ говорить о преобладающей ностальгии. Преобладание ностальгии по Присутствию состоит не в том, чтобы вспоминать о прошлом; это принимать, признавать, позволять каждый раз этой ностальгии, которая не только не уменьшается от событий жизни, но каждый раз воспламеняется от них. Вместо раздражения на вещи, из-за того, что те нас не удовлетворяют, мы обладаем возможностью раз за разом возвращаться к этой ностальгии.

В последнее время меня постоянно сопровождает большой вопрос о смысле, столь драматично, что я порой задыхаюсь; на самом деле я хорошо понимала, о чем говорит Леопарди в своих стихах: когда человек считается со своим человеческим опытом, он обнаруживает в себе дистанцию между желаемым и реальностью, которой ему не хватает. У меня были все инструменты для того, чтобы вновь обнаружить, что захватило мою жизнь, это школа общины, дорогие для отношения, и т. д. Однако все казалось мне жалким утешением, и, поэтому, возможно, в первый раз я бросила все и предалась своим ограничениям, своему беспамятству. Живя таким образом, я к каждому вечеру приходила во все более худшем состоянии, я была все грустнее. Потом со мной произошло следующее. Я встретила со своим женихом, а он, видя мою грусть, спросил: «Что с тобой происходит? Почему ты сама не своя? Из чего ты исходишь?» Я ответила провокационно, я не сказала ему, что со мной происходит, и ждала, что он как обычно скажет мне правильные вещи. А он посмотрел на меня и сказал: «Почему ты не позволишь любить себя?».

«Почему ты не позволишь любить себя?»

Я была обескуражена, из-за того, что он сказал только это: «И это все, что ты скажешь? Ты не хочешь узнать, что со мной происходит?»

«И даже не поругаешь меня немного?»

Именно.

«Не прочитаешь мне проповедь?»

Я была смущена, а потом он удивил меня, сказав: «Да, потому что гораздо правильнее любить тебя, как Иисус любил Петра после его предательства». Вот, этот момент для меня стал как первое замирание сердца Магдалины, потому что я сразу же подумала о Петре, который на вопрос Иисуса: «Любишь ли ты Меня?» – он, со множеством недостатков, как и я, ответил: «Да, я люблю Тебя». В этот момент я вновь открыла, что побеждает любовь другого, которая не медлит и опрокидывает все мои меры. На следующий день я прочитала первую лекцию, которую еще не читала, и это было невероятно, потому что текст лучше меня самой описывал, что со мной произошло, когда ты цитируешь песню и говоришь: «Если бы я забыл о том, что истинно, <...> в чем бы я тогда нуждался? Чтобы «твои глаза напомнили мне об этом». Со мной так и произошло, я вернулась ко Христу как Петр, потому что передо мной был человек, свидетельствовавший о том, что наполняет мою жизнь смыслом, о Присутствующем Христе. Я хорошо понимаю, что, как ты сказал, нужно мгновение верности, чтобы снова

впустить этот новый взгляд, который я уже видела и открыла в своей жизни. На самом деле, я хорошо понимаю, когда позже говорится о том, что не достаточно взгляда мужа или жены, или взгляда друзей, но «нужно отношение, которое не угасит пламени ностальгии, а зажжет его», потому что мое желание, мой вопрос не угас, но напротив, стал еще острее. Определяющим чувством стала также благодарность: «Самая поразительная бескорыстность заключается в том, что Бог стал моим спутником».

Как Бог стал спутником? «Я пишу тебе после того, как перечитала начало первой лекции Упражнений. Волнительно встретиться с описанием опыта, который столь глубоко касается того, что я считаю для себя определяющим, и в последнее время особенно в этой части. Я учусь в университете и уже несколько месяцев живу за границей для написания магистерской диссертации. Я поехал, повинуюсь любви к тому, что я изучаю, и встрече с некоторыми людьми, которые стали для меня предвозвестниками пути. Через некоторое время я обнаружил, что всей моей любви к предмету не хватает, чтобы поддерживать жизнь здесь. Каждое утро я просыпаюсь с огромным желанием открывать что-то великое для себя, работать хорошо, иметь возможность в полноте насладиться временем и встречами, но в рабочие часы, часто сухие, я был, как правило, утомленным и грустным [одного религиозного чувства недостаточно: «Я понимаю вашу достойную, но грустную попытку»]. И мне казалось, что на протяжении всего дня среди всех вещей, со мной произошедших, не случилось самой главной, что время убегало, не оставляя следа, одну лишь усталость. Даже когда в лаборатории случалось что-то открыть, после первых моментов удивления побеждало сомнение: в конечном счете, какой смысл в том, чтобы этим заниматься?

Стоит ли это того [человек доходит до радикальных вопросов, даже оттолкнувшись от страстной любви к исследуемому предмету]? Не происходит ли так, что мой интерес [тот, что казался самой конкретной вещью] лишь ведет в тупик? Я понимал, что проблема заключалась не в обстоятельствах, а в невозможности смотреть на вещи истинно [смысл вещей – это не какая-то добавка к ним, словно колпак, который нужно водружать на вещи, чтобы те стали более адекватными. Нет, дело в том, что без смысла я не смотрю на вещи; мы говорим, что «воспитание – это введение в полноту реальности», потому что без достижения этого, реальность более неинтересна]. Все, что происходило, представляло собой последовательность событий, но никакое мое усилие или предложение не позволяли мне найти в этих событиях мир. Одна моя подруга, говоря со мной по телефону, бросила мне вызов: «Ты должен там открыть, в чем действительно нуждаешься, это что-то больше того, что ты уже знаешь, тебе нужно идти до самого конца». Моя ситуация не изменилась сразу, но я начал начинать день с просьбы понять, произойдет ли и где произойдет то, что могло бы мне помочь. Постепенно одна вещь начала все больше открываться для меня с интересной стороны. Каждую среду по вечерам я ходил на собрание школы общины вместе со студентами, которая прежде провоцировала во мне множество возражений [когда человек не осознает истинную нужду, все является возражением]. Я практически всегда приходил туда смертельно уставшим, но всякий раз происходило что-то непредвиденное: кто-то рассказывал о своем опыте, кто задавал вопрос, кто-то подчеркивал что-то важное в тексте – всякий раз происходило что-то, касающееся моего глубинного интереса. Один факт стал особенно просветляющим: во время одного традиционного ужина одна девушка спросила меня: «Как дела?» Я решил не врать и сказал, что уже неделю я был совершенно никакой, во мне не было даже намека на нужду и просьбу, о которых всегда говорит Джуссани, я работал по инерции, не общался с коллегами во время обеда, со своими друзьями по квартире был безразличен. Она ответила мне совершенно спокойно: «Ты не никакой, скорее всего ты устал, а иначе, разве ты сказал бы это? Разве ты не замечаешь, что ты уже просишь?» Я был вынужден признать, что ее взгляд, обращенный на меня, был более истинным и совершенным, чем мой собственный, она смотрела на то, чем я являюсь в своей глубине. Я не испытал

никакой особенной сентиментальной эйфории, но поразило меня то, что через короткое время, когда ехал домой на метро, среди того множества людей, которых я встречаю каждый день, я обратил внимание на одну девушку, которая прислонилась к окну, я удивился тому, что подумал: как было бы замечательно, если бы эта незнакомка могла открыть ту ценность, которой она является, если бы она могла открыть, что является желанным и любимым творением сейчас, такой какая она есть, даже с этими очками и этим носом; все ее бытие кричит о Том, Кто ее творит и кто творит сейчас меня. Я обрел покой перед лицом очевидности Присутствия, которое было больше всей моей пустоты [я могу смотреть в глубину твоих ясных глаз и устраняет весь ад, если я открываю в них бытие; я могу смотреть на человека, которого я никогда не видел, и перед лицом очевидности Его присутствия, которое творит его в данный момент, пустота во мне исчезает]. Но если на протяжении многих недель никакое усилие не позволило посмотреть на реальность даже с толикой этой истины, что сделало этот взгляд возможным теперь? Я не мог не пойти снова на ужин с этой подругой и не искать этого взгляда, которой так соответствует тому, чем я являюсь. В реальности есть место, куда я возвращаюсь, чтобы стать самим собой, место, которое не сводится к моей способности или к способности определенных людей, оно происходит, и это ни с чем нельзя спутать: происходит Он. Я благодарю тебя за путь, который мы совершаем. Отвечать на вопрос о том, Кто такой Иисус, – значит шаг за шагом обнаруживать в реальности это место, которое является сущностно важным для жизни со всей ее нуждой, благодаря которому возможно вернуться к взгляду на себя и на вещи, открывающему, что они исполнены смысла, как место моего отношения с Тайной. Постепенно возмущение от моей неспособности уступает место благодарности реальному Присутствию, к которому я могу вернуться, чтобы снова быть захваченным и воспитанным. Удивительно видеть, как растет желание разделить это желание разделить эту жизнь со всеми, начиная со своих коллег. Я все больше начинаю разделять жизнь с ними, разделять те же самые потребности, те же самые вопросы и ту же темноту в определенные моменты жизни, и все больше в отношении с ними я замечаю новизну взгляда Христа [здесь превозносится инаковость взгляда Христа], который не умаляет ни одной черты нашей человечности. Я замечаю, что в моих руках не зная, которым я должен размахивать перед всеми с пьедестала, это скорее возможность просить, подобно нищему, внутри вызовов реальности, внутри замешательства, которое меня иногда охватывает, о том неповторимом взгляде, что обнимает все, чем я являюсь, и открывает положительность обстоятельств. Это также, даже через малые знаки, источник новизны. Больше, чем стремиться к совершенству, я хочу жить тем беспокойством, которому теперь учусь, и которое является великой помощью в поиске Его лица». Человек, который видит пробуждение в себе беспокойства, пробуждение желания, обнаруживает, что большим источником помощи в поиске Его лица является не отставляющая его ностальгия. Поэтому, чем больше мы живем таким образом, тем больше все становится нам спутником, даже предвыборная кампания.

Плакат, посвященный европейским выборам, заставил проявиться мою позицию, разоблачил мою постоянную позицию. Так, когда ты напоминаешь нам, что что-то «есть, если действует», во мне рождается серьезное возражение: если изменение, которое я вижу в себе, реальное изменение, не ведет к дальнейшему изменению реальности, то фактически изменения не произошло, ведь иначе это было бы заметно. Когда случается событие Христа, это видно. И поэтому я постоянно нахожусь в постоянной борьбе; однако в то же самое время я обращаю внимание на то, что вызовы, предлагаемые нам реальностью, как личностные, так и социальные, и политические, не ждут моей готовности. Таким образом, я старюсь найти баланс между активизмом и аскетизмом. Активизмом, потому что перед лицом некоторых ситуаций, перед лицом агрессивного натиска определенного менталитета, мне хочется выйти на площадь, чтобы сказать всем, что они ошибаются, шуметь, протестуя против

несправедливости, мне хочется устраивать встречи, создавать группы, чтобы распространять иную ментальность, то есть истину, то, что говорит Церковь. И при этом, с одной стороны, я отдала бы душу и тело за социальное дело, а с другой, говорю себе, что нельзя полагать свою надежду в революции, в политической деятельности или в культурных кампаниях. И поэтому я срываю стоп-кран, я вовлекаюсь в работу, но не слишком, чтобы избежать риска активизма, и устремляюсь к тому, что должно стать моим спасением, то есть не к деланию, а к тому, чтобы жить христианством прежде всего мне самой, потому что – я часто себе повторяю, однако не особо верю в это – это влияет на историю больше, чем великие битвы, и это становится моим алиби, чтобы не участвовать в деле по-настоящему. И мне кажется, что я ищу баланс между двумя измерениями, чтобы быть счастливой и быть как можно более верной движению. Однако я совсем не свободна, более того, я действительно застряла, я хотела бы жить, имея в виду все факторы, ничего не исключая ни из себя, ни из мира.

У кого-нибудь из вас был опыт того, что вас высвободило?

Я зарегистрирована на юге страны, и чтобы проголосовать нужно было совершить долгое путешествие. Поэтому, поскольку это сложно, с одной стороны, с точки зрения транспорта, и, с другой, из-за личной ситуации, я оставила эту проблему, и решила не ехать голосовать. Но потом в домах *Metores Domini* было сделано объявление, в котором подчеркивалась приоритетная важность участия в голосовании по отношению к другим инициативам. И я, решившая не ехать голосовать (не из-за инициатив Движения, а из-за своих проблем), почувствовала, что этот вопрос не закрыт. Тогда я вновь обратилась к плакату. И снова не поняла связь этих слов с голосованием; не то чтобы плакат не был убедительным для меня, я даже немного переосмыслила его: он настолько убедительно показывает, что битва идет за основы, что я могу ставить все эти вопросы перед собой, даже если не еду голосовать. У меня был еще один последний источник помощи, и я перечитала все последнее выступление в Милане от 9 апреля. И тут меня поразило, что во всех своих детальных переходах ты, в конечном счете, приходишь до жеста голосования. И таким образом я смогла обнаружить эту связь, чего не получалось раньше. У меня получилось, потому что, я была поражена, словно найдя нечто абсолютно новое, поражена чем-то, что я много раз слышала: наивысшее желание человека освобождается от своих ограничений и пробуждается во встрече. Это заставило меня перечитать отрывок из текста «Я возрождается во встрече» Джуссани. Он поразила меня, потому сразу после прочтения я не подумала о выборах, я подумала о некоторых вещах, которые я сейчас переживаю, поэтому этот угол зрения, эта точка зрения, внезапно заставила меня посмотреть на некоторые отношения, в которых я, из-за определенной внутренней динамики, смещаюсь на последствия, не остаюсь на основах. И напротив, мне показалось абсолютно созвучным и истинным вновь исходить из основ, я понимаю, что это не происходит автоматически, но что это, тем не менее, является самым истинным путем, поскольку именно такой путь уважает мою природу, то есть исходит из конечного моего основания. Поэтому я могу рассчитывать на этот критерий вплоть до европейских выборов: «Защищать это пространство свободы для каждого и для всех, – это окончательная причина для голосования на ближайших выборах», потому что эта битва за основы разворачивается на поле взаимоотношения, отношения.

Как признают самые авторитетные участники европейских дебатов, на этих выборах на карту поставлен столь важный вопрос, что первое дело – это проголосовать. Вклад в преодоление дистанции, которую ощущают многие из нас – из нас, несмотря на все, чем мы живем, – и которую ощущают многие наши сограждане, может быть внесен нами посредством голосования, именно потому что вопрос об основах является столь

сущностным. Иначе у нас не будет энергии и причин, чтобы двигаться, и, таким образом, мы будем стремиться найти баланс – как говорилось в предпоследнем выступлении – между активизмом и аскетизмом, используя его не ради настоящего вовлечения. Речь о том, чтобы понять, что настоящий спор ведется именно об основах, тогда все станет более конкретным, вплоть до того, что подвигнет нас в нашей глубине пойти проголосовать и продолжить вести диалог в обществе, о том, что мы сказали, о том, что мы взяли в качестве инструментов в последнее время: о плакате по Европе и тексте Первой страницы в майском *Tracce*. Через эти жесты Тайна еще раз спасает нас от распада, потому что очень часто, когда мы слушаем объявления, мы думаем, что они представляют собой своего рода задания, которые мы даем себе как организация. Нет ничего более ошибочного, потому что этого, как вы видите, недостаточно. Предлагаемые нами объявления – это жесты, жесты, через которые, погружаясь в реальность, мы создаем. Потому что только, если человек принимает объявления всерьез, он может проверить, что оно абсолютно конкретное и напрямую относится к его жизни; приглашение на эти жесты – это способ, посредством которого Тайна не позволяет нам провалиться в ничто и в полное безразличие, в которое, как мы видим, часто впадают многие.

Поэтому объявления существуют прежде всего не для того, чтобы помочь друг другу в организационных моментах, это было бы абсолютным умалением жестов, которые предлагаются в объявлениях. Все предлагаемые жесты имеют одну отличительную цель, одну единственную: это возможность для нас быть создаваемыми, чтобы они заставляли нас думать. И для того, чтобы быть создаваемым, у нас есть компания, поскольку невозможно, чтобы кто-то прочитав плакат – о котором мы говорил – о Европе или Первую страницу, и не нашел бы чего-то, что его создает, это невозможно! В проведении совместно определенных жестов – и если кто-то тебя спросит почему, ты должен уметь дать отчет – мы создаем, и поэтому становимся самими собой. Если мы не осознаем существующей между объявлениями и фактом нашего создания связи, как способа пребывания Христа, верности Христа нашей жизни, создающей нас вновь и вновь, постоянно устанавливающейся, не оставляющей нас в покое, мы не понимаем ценности жестов.

Потому что эти жесты являются способом, посредством которого мы каждый раз признаем милость к нашему ничто Того, кто порождает нас и Кто говорит нам: «Посмотри, если ты не хочешь оказаться в ничто, то прими это, я приглашаю тебя сделать это». Сегодня будут выборы, завтра Митинг, послезавтра Сбор продуктов или каникулы. Если человек все это игнорирует, как может он увидеть ту плоть, что его порождает? Нам придется порождать себя самих своими попытками, всеми нашими силами, все энергией. И мы все прекрасно знаем, каков результат этих попыток.